

Оливеру

Сюрприз в шкафу

КАЖДЫЙ ДЕНЬ АРТУР ВСТАВАЛ С ПОСТЕЛИ РОВНО в половине восьмого утра, как делал, когда его жена, Мириам, была жива. Он принимал душ, одевался — серые слаксы, голубая рубашка, вязаный, горчичного цвета жилет, все приготовлено с вечера, — брился и спускался вниз.

В восемь Артур готовил завтрак — обычно тост с маргарином — и садился за большой сосновый стол. За столом вполне могли бы поместиться шесть человек, но теперь сидел он один. В половине девятого он мыл посуду и вытирал столешницу пахнущей лимоном салфеткой. Так начинался день.

В ясное майское утро Артур, может быть, даже порадовался бы уже вставшему солнышку и немного поработал в саду — пополол сорняки, покопался в земле. Солнце согрело бы шею, пощекотало лысину. Напомнило, что он еще жив и как-то шевелится.

Но сегодня, в пятнадцатый день месяца, все было немножко по-другому. Наступила годовщина, которую

Артур с опаской ждал уже несколько недель. Взгляд зацепился за дату на календаре с видами Скарборо, когда он проходил мимо. Секунду-другую Артур смотрел на него, пытаясь придумать какое-то мелкое дело, чтобы занять себя и отвлечься. Можно было бы полить папоротник, Фредерику, или открыть окно и гаркнуть «Пшить!» соседским котам, взявшим за обыкновение пользоваться его декоративным садиком с камнями как туалетом.

В этот день год назад умерла его жена.

Ушла, как теперь все говорили. Как будто само слово «умерла» было чем-то вроде ругательства. Артуру это «ушла» и ему подобные категорически не нравились. В них было что-то мягкое, неторопливое, как плывущая по журчащей воде лодка или улетающий в безоблачное небо воздушный шарик. Но ее смерть такой не была.

Теперь, после сорока лет брака, он остался один в доме с тремя спальнями и смежной ванной комнатой, оборудованной по рекомендации их взрослых детей — дочери, Люси, и сына, Дэна — на пенсионные деньги. Недавно они же установили новую кухню — из настоящего бука, с современной плитой с панелью управления, словно в космическом центре НАСА. Пользоваться ею Артур не решался — чего доброго, дом еще взлетит, как ракета.

В доме не хватало смеха. Стука шагов по лестнице и даже грохота захлопнувшейся двери. На площадке больше не попадалось выпавших из корзины со стиркой вещей, в прихожей не приходилось перешагивать

через грязные резиновые сапоги. Дети называли их «резиноги». Тишина и покой, спутники его одинокого присутствия, оглушали сильнее, чем любой шум, на который он, бывало, ворчливо жаловался.

Убрав со стола, Артур уже направился в переднюю, когда в уши ударил громкий, резкий звук. Он оперся ладонью о столешницу. Под мышками повлажнело от пота. За стеклянной, с узором из маргариток дверью темнело что-то большое и фиолетовое. Артур вдруг ощутил себя пленником в собственном доме.

Снова зазвенел звонок. Удивительно, как у нее получалось извлекать из него такие пронзительные ноты. Плечи сами вскинулись вверх, защищая уши. Сердце заколотилось. Еще чуть-чуть, еще несколько секунд — и ей это надоест, она повернется и уйдет. Но нет — щель почтового ящика открылась...

— Артур Пепшер. Откройте. Я знаю, что вы дома.

Соседка, Бернадетт. Третий визит за неделю. В последние месяцы она несколько раз пыталась накормить его мясным пирогом или домашним бифштексом с луком. Иногда он сдавался и открывал дверь, но чаще — нет.

На прошлой неделе в прихожей обнаружилась со-сиска в тесте, выглядывавшая из бумажного пакета, словно напуганный зверек. Потом пришлось едва ли не целый день отчищать придверный коврик от мучнистых хлопьев.

Надо взять себя в руки, проявить выдержку. Замереть и не двигаться — иначе она поймет, что он дома. Объяснение можно придумать потом — мол, выносил

мусор или поливал герань в саду. Вот только сочинять что-то не было ни малейшего желания, тем более сегодня.

— Артур, я знаю, что вы здесь. Вам нельзя замыкаться в себе. У вас есть друзья, они переживают. — Почтовый ящик коротко задребезжал, и на пол, проскользнув в щель, мягко опустился сиреневый листок от «Друзей по несчастью». Листок украшал неумело нарисованный цветок лилии.

Хотя он и не разговаривал ни с кем уже больше недели, и холодильник мог похвастать только кусочком чеддера и просроченной бутылкой молока, гордость все же осталась при нем. Он не станет еще одним «пропащим человеком» для Бернадетт Паттерсон.

— Артур.

Он крепко зажмурился и представил себя статуей в саду какого-нибудь богатого особняка. Раньше им с Мириам нравилось бывать в государственных парках и заповедниках, но только в те недели, когда там было поменьше народу. Вот бы сейчас погулять там вдвоем, пройти по хрустящим под ногами, посыпанным гравием дорожкам, полюбоваться порхающими над кустами роз бабочками-капустницами и угоститься бисквитом королевы Виктории в чайной комнате. При мысли о жене комок подступил к горлу, но Артур не шелохнулся. Вот бы и впрямь превратиться в камень и не чувствовать этой боли.

Ящик наконец захлопнулся. Фиолетовое пятно удалилось. Артур расслабил пальцы, потом локти. Пошелвел, снимая напряжение, плечами. Бернадетт вполне

могла задержаться у калитки, поэтому он осторожно, на дюйм, приоткрыл дверь и, прикинув к щели, выглянул наружу. В саду напротив Терри, с красной банданой на дредах, вытаскивал из сарайчика газонокосилку. Два рыжих сорванца из дома по соседству носились босиком по улице. Его «микра» все также маялась от безделья с загаженным голубыми ветровым стеклом. Артур немного успокоился. Все вернулось к нормальности. Вошло в ставшую привычной колею рутины.

Прочтя листовку, он аккуратно положил ее к другим таким же, полученным от Бернадетт — «Настоящие друзья», «Ассоциация жителей Торнэпл», «Мужчины в пещерах» и «Дизель Гала Дэй», — после чего заставил себя приготовить чашку чаю.

Бернадетт таки испортила утро, вывела из равновесия. Расстроенный, он слишком рано вынул чайный пакетик из заварочного чайника. Достав из холодильника бутылку, принялся, поморщился от запаха и вылил молоко в раковину. Придется пить черный. Вкусом чай напоминал металлические стружки. Артур тяжело вздохнул. Сегодня он не собирался ни мыть пол в кухне, ни пылесосить лысеющую дорожку на лестнице. И краны в ванной не станет протирать, и полотенца складывать аккуратными квадратиками.

Наклонившись, он достал рулон мешков для мусора, развернул и нехотя положил на кухонный стол. Плотные. То, что надо, для работы. Подготавливая себя к ней, он перечитал листовку из кошачьего приюта «Спасители», собиравшего вещи для продажи и сбора

средств для брошенных и пострадавших от плохого обращения животных. Листовку под телефон положила жена, и Артур принял это как указание на то, куда отдать ее одежду.

Всячески оттягивая решение поставленной задачи, он остановился на лестничной площадке. Разбирать гардероб жены — это как будто прощаться с ней еще раз, стирать ее из своей жизни. Сморгнув подступившие слезы, Артур посмотрел в окно на задний дворик. Привстав на цыпочки, он увидел лишь верхушку Йоркского собора, шпили которого подпирали небо каменными пальцами. Деревушка Торнэпл, в которой он жил, расположилась на окраине города. Вишни уже роняли лепестки, кружащиеся розовые конфетти. С трех сторон сад окружал высокий деревянный забор, защищавший от назойливых соседей, любителей поболтать. Им с Мириам было хорошо вдвоем. Они все делали вместе, им так нравилось, так что спасибо, не надо.

У них было четыре высоких грядки, которые он укрепил железнодорожными шпалами и на которых росли свекла, морковь, лук и картофель. В этом году можно было бы попробовать тыквы. У Мириам отлично получались курица и овощное рагу, а еще домашние супы. Артур готовить не умел. Собранный прошлым летом чудесный красный лук так и лежал на столе, пока кожица не сморщилась, как и у самого Артура, и его пришлось отправить в мусорный бак.

Он одолел наконец последние ступеньки и остановился, отдуваясь, возле ванной. А ведь когда-то без

проблем взбегал по лестнице вслед за Люси и Дэном. Но теперь все замедлилось. В коленях похрустывало, и вообще он как будто усох. Некогда черные волосы сделались голубино-белыми (но нисколько не пореди и упрямо отказывались разглаживаться), а закругленный кончик носа, похоже, становился краснее с каждым днем. Теперь уже и не вспомнить, когда он перестал быть молодым и превратился в старика.

На память пришли слова Люси из их последнего разговора несколько недель назад. «Ты мог бы прибраться, пап. Тебе полегчает, когда отдашь ее вещи. Ты сможешь двигаться дальше». Дэн звонил иногда из Австралии, где жил теперь с женой и двумя детьми. Он выражался с меньшим тактом. «Выбрось все. Не превращай дом в музей».

Двигаться дальше. Вот только куда? Ему исполнилось шестьдесят девять, не мальчишка, который мог бы поступить в университет или взять годичную паузу после школы. Он вздохнул и, волоча ноги, направился в спальню.

За зеркальными дверцами платяного шкафа висела ее одежда — черное, серое, коричневое, все земляного цвета. Странно, он не помнил, чтобы Мириам одевалась так уныло. И словно в ответ на эту мысль в голове возник ее образ — Мириам кружит Дэна, держа сына за руку и ногу. На ней летнее платье в голубой горошек и белый шарфик. Такая молодая, даже юная, смеющаяся, приглашающая его присоединиться. Но картинка, выпрыгнув из памяти, так же быстро ушла. Последние воспоминания были того цвета, что и одеж-

да в шкафу. Серые. Волосы оттенка алюминия в форме купальной шапочки. Она увядала, как лук.

Мириам болела несколько недель. Все началось с обычной простуды, с которой она пролежала в постели две недели на антибиотиках. Но на этот раз простуда переросла в пневмонию. Доктор прописал постельный режим, и жена, никогда не поднимавшая шум из-за мелочей, послушно подчинилась.

Войдя однажды в спальню, Артур увидел ее лежащей неподвижно в постели. Сначала он подумал, что жена наблюдает за птицами на деревьях, но, когда взял ее за руку, она не встрепенулась, не вздрогнула.

Половину вешалки занимали кардиганы. Беспорядочные, с обвисшими рукавами, как будто их поносили какие-то гориллы, а потом вернули на место. Еще в шкафу были юбки: темно-синие, серые, бежевые — все до середины икры. Он уловил запах ее духов — что-то с розой и ландышем, — и ему отчаянно захотелось уткнуться в изгиб ее шеи. *«Господи, пожалуйста, только один еще раз».*

Как бы он хотел, чтобы все случившееся было просто дурным сном, чтобы она сидела внизу за кроссвордом в *Woman's Weekly* или писала письмо кому-то из друзей, с которыми они познакомились во время отпуска.

Он сел на кровать, позволив себе несколько минут слабости, потом быстро развернул и открыл два пакета. Это нужно сделать. В один пакет — вещи для кошачьего приюта, в другой — то, что надо выбросить. Он взял охапку одежды и засунул в мешок. Домашние шлепанцы Мириам с дыркой в мыске отправились

в мусорный бак. Артур работал быстро и молча, не позволяя себе отвлекаться на эмоции. Положив в «благотворительный» мешок пару серых ботинок на шнуровке Hush Puppies и отправив вслед за ними почти идентичную пару Clarks, он достал большую обувную коробку и вынул из нее пару вполне приличных коричневых замшевых ботинок с мехом.

Бернадетт как-то рассказывала про пару ботинок, которые купила на «блошином» рынке и в которых нашла лотерейный (невыигрышный) билет. Вспомнив об этом, Артур машинально сунул руку сначала в один ботинок (пустой), потом в другой и наткнулся пальцами на что-то твердое. Странно. Захватив предмет пальцем, он вытащил его и увидел коробочку в форме сердца, обтянутую красной текстурированной кожей и запертую на крохотный золотой замочек. Было в этих цветах, красном и золотом, что-то, отозвавшееся в нем беспокойством. Коробочка выглядела дорогой безделицей. Может быть, подарок от Люси? Нет, он бы помнил. Ему самому никогда бы и в голову не пришло покупать жене такое. К тому же ей нравились практичные, полезные вещи — простенькие круглые серебряные пусеты или симпатичные варежки-прихватки. Всю свою совместную жизнь они сэкономили и ужимались, откладывая понемножку на черный день. А когда расщедрились на кухню и ванную, у нее оставалось совсем немного времени, чтобы насладиться этой роскошью сполна. Нет, Мириам не позволила бы себе такую вещь.

Артур осмотрел замочную скважину. Потом порывлся в остальной обуви Мириам, беспорядочно передви-